

Научная статья

УДК 001.8

DOI: 10.18384/2949-5148-2025-4-18-26

«ХОРЁК ДОКИНЗА» И АВТОКОММУНИКАЦИЯ

Марков А. В.¹, Штайн О. А.²

¹Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

²Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,

г. Екатеринбург, Российская Федерация

*Корреспондирующий автор; e-mail: markovius@gmail.com

Поступила в редакцию 30.03.2025

После доработки 18.04.2025

Принята к публикации 05.05.2025

Аннотация

Цель. Показать ограничения биологического редукционизма со стороны автокоммуникации, осуществляющей как на индивидуальном, так и на всеобщем уровнях.

Процедура и методы. Анализируются вероятностные модели биологического редукционизма в сопоставлении с моделями контингентности, применяются историко-философские данные, методы интерпретации дискурса и коммуникации, реконструкция и моделирование условий автокоммуникации. Процедурой становится поэтапная критическая проверка применимости редукционизма к факту автокоммуникации.

Результаты. Сделан вывод о природе автокоммуникации как не сводимой к когнитивным операциям контингентной ситуации опыта. Последовательная критическая проверка показывает несводимость опыта к его фиксациям, а также возможность превращения моделирований опыта в элементы опыта. Современный мир в эпоху языковых моделей искусственного интеллекта позволяет проделывать такие операции текущего обогащения опыта, которые дают и новый стимул развития для религиозной философии.

Теоретическая и/или практическая значимость. Показаны как гносеологические, так и онтологические импликации автокоммуникации в её несводимости к когнитивным операциям.

Ключевые слова: автокоммуникация, вероятность, детерминизм, контингентность, опыт, языковые модели

Для цитирования:

Марков А. В., Штайн О. А. «Хорёк Докинза» и автокоммуникация // Современные философские исследования. 2025. № 4. С. 18–26. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-18-26>.

Original research article

DAWKINS' WEASEL AND AUTOCOMMUNICATION

A. Markov¹, O. Shtayn²

¹Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

²Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

Received by the editorial office 30.03.2025

Revised by the author 18.04.2025

Accepted for publication 05.05.2025

Abstract

Aim. To show the limitations of biological reductionism from perspective of autocommunication which is carried out at both individual and general levels.

Methodology. Probabilistic models of biological reductionism are analyzed in comparison with models of contingency, historical and philosophical data, methods of discourse and communication interpretation, and reconstruction and modeling of autocommunication conditions are applied. The procedure becomes a stepwise critical test of the applicability of reductionism to the fact of autocommunication.

Results. It is concluded that the nature of autocommunication as a contingent situation of experience is not reducible to cognitive operations. Consistent critical verification shows the irreducibility of experience to its fixations, as well as the possibility of transforming modelings of experience into elements of experience. The present world in the era of linguistic models of AI allows such operations of ongoing enrichment of experience, which also provides a new developmental stimulus for religious philosophy.

Research implication. Both epistemological and ontological implicita of autocommunication in its irreducibility to cognitive operations have been presented in this work.

Keywords: autocommunication, probability, determinism, contingency, experience, language models

For citation:

Markov, A. V., Shtayn, O. A. (2025). Dawkins' Weasel and Autocommunication. In: *Contemporary Philosophical Research*, 4, pp. 18–26. <https://doi.org/10.18384/2949-5148-2025-4-18-26>.

Введение

Российский философ В. В. Бибихин (1938–2004) в одной из лекций говорил, что лучше обращать внимание не на текст Гегеля, а на примечания к нему. В ответ на недоумения студентов философ пояснил, что в тексте статьи или лекции философ следует тому порядку вопросов, который задаёт внешняя среда, сами условия ознакомления публики с философией, тогда как в примечаниях философ проговаривается, даёт намёки на глубинный метод и глубинные интуиции.

Здесь Бибихин вполне следовал традиции изучения бессознательного в искусстве, от Аби Варбурга до Карло Гинзбурга, где бессознательные жесты художника скрыты от фальсификатора, подражающего стилю воспроизведенного оригинала. Например, фальсификатор идеально передаёт колорит и выражения лиц, что не отличишь от оригинала, но форма уха или особенности мазка при изображении блика, т. е. те участки живописи, где художник меньше всего себя контролирует, позволяют отмежевать подлинник от подделки. Примечания тогда и оказываются такими же бликами или росчерками, выдающими подлинные стремления философа. Смысл

[1], след [2], выдача (сдача, разоблачение) [3] и предзнаменование [4] как взаимосвязанные части конструкции познания уже хорошо изучены знатоками Варбурга.

Представители биологического редукционизма, Ричард Докинз (р. 1941) и Роберт Сапольский (р. 1957), приобрели всемирную известность не в последнюю очередь благодаря блестящему и остроумному изложению идей. Полемический задор, одновременная критика обыденных представлений и устойчивых обычаев религиозных групп, поспешная типологизация взглядов противников и наглядность доводов, иногда даже прямая до откровенной грубости – всё это может говорить о новом и удачном литературном стиле этого философского направления.

Мы предполагаем, что внутри этого стиля также есть основной текст, следующий условиям популярного представления достижений естественных наук и общественных заявлений, не разделённым границами стран, и есть примечания, в которых такие авторы проговариваются о самом заветном. На примере одного из примечаний Сапольского мы покажем, как именно неожиданные черты или формулы подлинности указывают на ограничения биологи-

ческого редукционизма, и как совершенно парадоксальным образом позиция нового атеизма может обогатить религиозную философию.

Хорёк вместо обезьяны, или свободна ли воля

Биологический детерминизм хотя и представлен разными исследовательскими программами даже у одного автора (мысль Ричарда Докинза, например, никогда не стояла на месте), говорит не о свободе воли, а об эпистемической ситуации ответственности или когнитивной достоверности того, что мы сейчас совершаем поступок [5]. Споры вокруг этого вопроса нас здесь не занимают. Мы ставим проблему иначе: сама по себе эпистемическая или когнитивная ситуация подразумевает перебор вариантов и их исчерпание. Это могут быть два варианта, правильный или ложный поступок, но может быть и огромное число вариантов, где мы не знаем о последствиях поступков и поэтому перебирать варианты, пока мы получим ясное представление, что мы делаем, мы будем долго.

Такие моральные дилеммы, в которых подразумевается долгий перебор вариантов, вполне подразумеваются и христианством. Так, притча о блудном сыне показывает парадоксальное поведение отца, который прощает сына в моральном и организационном смысле за счёт правильного старшего брата, хотя никогда нельзя сказать, что сыну это прощение будет на пользу. Здесь отец явно перебирает разные варианты дальнейшего поведения сына, от ответной благодарности до новой неблагодарности, и в конце концов останавливается на том варианте, в котором он видит в сыне нового хозяина дома. Т. е. он и перебором возможностей приходит к милосердию, но и постулированием новой роли сына, символическим закреплением его правильного поведения, принимает итоговое решение. О соотношении перебора возможностей и закрепления правильного сценария мы и будем далее говорить, пока-

зывая, что критика биологического редукционизма возможна не только с позиций богословского персонализма [6], но и с не менее эффективных позиций философии контингентности, в которой тоже различают и сильный, и слабый варианты социальных эффектов контингентности [7].

Далее мы условно называем сильной контингентностью ту, которая ставит под вопрос все наши прежние эпистемические усилия, а слабой контингентностью ту, что дополняет эти усилия. В притче о блудном сыне отец располагает сильной контингентностью, а кающийся блудный сын – слабой контингентностью, но в конце концов как система дом отца-сына оказывается исполнением сильной контингентности.

Теорема о бесконечных обезьянах относится к теории вероятности. Согласно этой теореме, бесконечное число обезьян, произвольно ударяющих по клавишам пишущей машинки, за неограниченное время создадут рано или поздно полное собрание сочинений Шекспира. Главной проблемой такой теоремы оказывается то, что любая мельчайшая случайность обрекает на неудачу весь труд: обезьяна может набрать «Гамлета» верно до последней строчки, но в последней строчке ударить не на ту клавишу, и нужно начинать создание полного собрания Шекспира заново.

Но эта теорема может подвергнуться экспериментальной проверке: можно использовать компьютерные генераторы случайных последовательностей знаков и программу, которая проводит сверку получаемых комбинаций с текстами Шекспира. Здесь, заметим, такая сверка труда виртуальных обезьян уже имеет в виду не умение «начать сначала», а успехи обезьяны, которые могут относиться к середине какой-то пьесы: если виртуальная обезьяна вдруг случайно набрала несколько строк «Гамлета», то её можно уже похвалить. Но в любом случае проблема остаётся, и Сапольский обозначает её так: при сверке результатов работы обезьян «среди этих рукописей найдётся тьма-тьмущая таких, которые до последней страницы

последней пьесы идеально воспроизводят Шекспира, а затем скатываются в ни на что не похожую тарабарщину» [8, с. 243].

Далее в этом же примечании Сапольский упоминает принцип «хорька», введённый Докинзом в книге «Слепой часовщик» (1986). В этой книге Докинз доказывал, что самопроизвольные процессы во Вселенной вполне могли породить имеющийся мир со всеми его сложными закономерностями. Докинз исходит из того, что теорема о бесконечных обезьянах подразумевает постоянные сбои без закрепления каких-то данных, без памяти, без сохранения опыта. Тогда как материя, говорит Докинз, создаёт репликацию, и рано или поздно бессмысленные сочетания букв складываются в осмысленные, – и это осмысленное сочетание и закрепляется, и становится неоспоримым, и обеспечивает дальнейшее бытие и размножение организма. «Так долго получается в случае одноразового отбора случайной вариации. Теперь рассмотрим нарастающий отбор – насколько он будет эффективнее? Очень и очень намного! Гораздо эффективнее, чем мы, возможно, себе представляем в первый момент, хотя это почти очевидно, если мы подумаем над этим чуть более. Мы снова используем нашу компьютерную обезьяну, но внесём критическое изменение в программу» [9, с. 95]. Работа тогда не идёт наスマрку из-за одной ошибки, напротив, правильные решения закрепляются, а ошибки исправляются. Таким образом, эволюция для Докинза – это ряд микромутаций, «накопление небольших изменений» (как называется глава книги) при увеличении правильных решений (правильных букв) в ряду, в результате которых возникают победители и чемпионы, которые и сопоставимы с правильно, грамотно написанными строками. Знаток бизнеса и брендингования сразу вспомнит выражение *ДНК бренда*, которое как раз, в отличие от *философии бренда*, ограничивает число неправильных вариантов.

Докинз процитировал строку из «Гамлета» “*Methinks it is like a weasel*”, где Гамлет оспаривает обыденный разум

Полония, который сравнивает облака со знакомыми формами. Сравнение Докинза имеет в виду его атеистическую концепцию – предположение о существовании высшего существа производится по аналогии: наподобие, как говорит Докинз, узнавания лица Иисуса среди облаков, тогда как на самом деле форма облака – это только некоторая условность, некоторая устойчивая форма, которая обеспечивает дальнейшее воспроизведение закреплённых признаков. В этом для Докинза позиция Гамлета состоит в том, что он ведёт себя как популяризатор науки, как тогдашний Докинз, в отличие от Полония, представляющего обыденные и привычные взгляды на вещи.

Выше Докинз пишет о формах облаков, постепенно вводя понятие нарастающего отбора: «Мы не видим при этом такого ошеломляющего подобия, какое мы видим в биологических адаптациях – продукте нарастающего отбора. Подобие насекомого листу растения или подобие богомола соцветию розовых цветов мы описываем как сверхъестественное, жуткое или захватывающее. Подобие облака хорьку только слегка развлекает и достойно лишь привлечения внимания нашего компаньона. Не говоря уж о том, что мы, весьма вероятно, тут же изменим своё мнение насчёт того, на что это облако похоже точнее» [9, с. 93]. Заметим здесь, что сами понятия «жуткого» или «захватывающего» психоаналитические, и имеют в виду те самые эффекты непроизвольности, контингентности бессознательного, которые и выдают подлинное чувство.

Для Докинза сходство облака и хорька – пример закрепления образа, что можно не следовать привычным способам проведения случайных сходств, не оказываться в положении обезьяны, безрассудно стучащей по клавишам, но рассудительно до провокационности оспорить общее мнение. Но облака – как раз не самый пригодный материал для этого: достаточно вспомнить, как Гёте в труде «Формы облаков по Говарду» (1820) характеризовал визуальную составляющую облаков: не как

некоторый образ, указывающий на что-то, но как морфологическую характеристику порядка. Например, Гёте описывал перистые облака: «Каждый их узнает, когда они, подобные стаду идущих друг за другом барабанов или похожие на распущеный хлопок, показываются более или менее повторяющимися рядами» [10, с. 38]. Здесь Гёте отмечает закономерность, но не в смысле нарастающего отбора, а в смысле как раз сохранения контингентности, «более или менее», внутри морфологии. Речь он ведёт не о субъективном зрении, но об объективной (сильной, ставящей под вопрос наши прежние успехи в накоплении знаний) контингентности, встроенной в саму идею подобия или уподобления, как мультиPLICATIONи, которая только за счёт зазора контингентности имеет эффект реальности: мы говорим об облаках, а не о тумане и не о закрытом небе. Облака – это формы закрепления воды в небе, это реальность, но не реальность фиксации, и в этом смысле «часовщик» у Гёте не слеп: это некоторый зазор внутри подобий и уподоблений, вдруг вводящий переменную реальности. Слабой контингентностью было бы говорить о том, что сходства в облаке не ставятся в ряд, что они капризны, тогда как уликовый принцип, что облако выдаёт в себе ряд вроде ряда овец, оказывается сильной контингентностью.

Сапольский, цитируя Докинза, понимает Гамлета не как человека, закрепляющего какие-то свойства и приоткрывающего тайну эволюции, но как скептика в соответствии с дальнейшей шуткой Докинза, что облака не способны к естественному отбору. Сапольский пишет в том же примечании, что Гамлет говорит, «ставя под сомнение об общей для всех реальности и бросая вызов обезьянам-машинисткам» [8, с. 243]. В тексте книги Докинза никакого вызова не упоминается, есть поиск просто более эффективных средств. Докинз сначала обратился к маленькой дочери с просьбой имитировать обезьяну, потом использовал компьютерные коды.

Дело в том, что Докинз и Сапольский спорят с различными вещами. Докинз по-

лемизирует с концепцией разумного замысла, в которой он видит просто нелепость, подразумевающую, что никакие биологические качества не будут закреплёнными, они будут только регулироваться высшим разумом. Тогда как Сапольский, учитываящий и дальнейшую критику поведения религиозных людей, нападает на социальный конформизм, на дух Полония. Это определяет, что атеизм его книги заострён против именно ресурсов конформизма в религиозных сообществах: например, он подробно рассказывает об эксперименте, выявившем «преднастройку» [8, с. 273]. Грубо говоря, хотя благочестивые практики, например чтение Писания или посещение религиозных собраний, вроде бы должны способствовать милосердию, верующие оказывались нетерпимее (к иноверцам или миноритарным группам), когда обращались к этим практикам, чем когда вели повседневную жизнь и разделяли светскую этику. В заявлявших себя верующими говорил фундаментализм. На самом деле, эксперимент фиксировал социальный конформизм, а не собственные эффекты практик. Отсюда привносимый смысл – противопоставление скептицизма Гамлета и конформизма Полония.

В чём-то модель Докинза напоминает высказывание Шостаковича в ответ на травлю: «Вообще, музыка должна играть сразу же, тогда публика вовремя получает удовольствие, а композитору легче выразить то, что он хочет сказать. Если он ошибся, можно попытаться исправить это в следующей работе. А иначе получится такая же ерунда, как с Четвёртой»¹. Т. е. как раз уже промежуточные достижения хороши, потому что они вызывающие, а ошибки, исправленные в следующей работе, позволят создать каноническое собрание сочинений – тогда как слушателям нужна живость впечатлений, как и природе нужна живость процессов.

¹ Шостакович Д. Д. Свидетельство. Воспоминания Дмитрия Шостаковича, записанные и отредактированные Соломоном Волковым (1979) [Электронный ресурс]. URL: <https://testimony-rus.narod.ru/4.htm> (дата обращения: 30.03.2025).

Но заметим, что как раз позиция Шостаковича здесь содержит вызов, ту самую сильную и усиленную провокацию Гамлета, которого вовсе нет в тексте Докинза, но который появляется в примечании Сапольского. Забавно, что своё примечание Сапольский завершает фразой «меня это страшно раздражает», т. к. теорему о бесконечных обезьянах иллюстрируют чаще всего с помощью шимпанзе, которые не обезьяны, а гоминиды. Понятно, что как раз Сапольский, борясь против социального конформизма, хочет видеть эволюцию в её апофеозе, закреплении признаков, на чём и держится его концепция отсутствия свободы воли: мы никогда не можем сказать, что именно в нашем поведении эволюция уже использовала для своего движения.

Сапольский в своей книге доказывает отсутствие свободы воли, просто исходя из того, что никогда мы не можем отличить нашего решения от решения, продиктованного генетическими или социальными механизмами. Собственно, оспорить подход Сапольского невозможно исходя из того самого гамлетовского скептицизма. Но его можно оспорить исходя из представлений об автокоммуникации. Автокоммуникацию мы понимаем как постоянное предпочтение сильной контингентности слабой контингентности, выбор в пользу сильной контингентности. Хотя Лотман не сразу ввёл этот термин, свойства автокоммуникации он описал уже в ранних работах.

Так, Ю. М. Лотман в «Лекциях по структуральной поэтике» (1964) говорит о лирических повторах не просто как о закреплении, а как о появлении качественных изменений. В примечании он оговаривает, что говорит не о мотивном, а только об информационном анализе, а в основном тексте противопоставляет письменное и устное восприятие баллады: «Человек, привыкший к графическому восприятию текста, видя на бумаге повторение слова, полагает, что перед ним – простое удвоение понятия. Между тем чаще всего речь идёт о другом, более сложном понятии,

связанном с данным словом, но усложнённом совсем не количественно.

Вы слышите: грохочет барабан,
Солдат, прощайся с ней, прощайся с ней,
Уходит взвод в туман, туман, туман,
А прошлое ясней, ясней, ясней...
(Б. Окуджава)

Второй стих совсем не означает приглашения попрощаться дважды. В зависимости от интонации чтения он может означать: «Солдат, торопись прощаться, взвод уже уходит», или «солдат, прощайся с ней, прощайся навсегда, ты её больше никогда не увидишь», или «солдат, прощайся с ней, со своей единственной». Но никогда: «Солдат, прощайся с ней, ещё раз прощайся с ней». Таким образом, удвоение слова означает не механическое удвоение понятия, а другое, новое, усложнённое его содержание» [11, с. 106].

Как мы видим, Лотман противопоставляет письменное считывание, т. е. закрепление в духе Полония или фундаменталистов, когда механическая мультипликация просто требует усилия, переходящего в насилие, и устное или слуховое считывание, включающая в себя автокоммуникацию. Ведь «ты больше никогда её не увидишь» или «ты моя единственная» – это внутренняя речь, это разговор солдата с собой, эта внутренняя речь станет внешней речью, например, в признании «Ты моя единственная», но «я больше никогда тебя не увижу» не может стать внешней речью.

В позднейшей работе Лотман подробно характеризует автокоммуникацию: «Механизм передачи информации в канале «Я – Я» можно представить следующим образом: вводится некоторое сообщение на естественном языке, затем вводится некоторый добавочный код, представляющий собой чисто формальную организацию, определённым образом построенную в синтагматическом отношении и одновременно или полностью освобождённую от семантических значений или стремящуюся к такому освобождению. Между первоначальным сообщением и вторичным ко-

дом возникает напряжение, под влиянием которого появляется тенденция истолковывать семантические элементы текста как включённые в дополнительную синтагматическую конструкцию и получающие от взаимной соотнесённости новые – реляционные – значения. Однако, хотя вторичный код стремится превратить первично значимые элементы в освобождённые от общеязыковых семантических связей, этого не происходит. Общеязыковая семантика остаётся, но на неё накладывается вторичная, образуемая за счёт тех сдвигов, которые возникают при построении из значимых единиц языка ритмических рядов различного типа. Но этим смысловая трансформация текста не ограничивается. Рост синтагматических связей внутри сообщения приглушает первичные семантические связи, и текст на определённом уровне восприятия может вести себя как сложно построенное асемантическое сообщение. Но синтагматически высокоорганизованные асемантические тексты имеют тенденцию становиться организаторами наших ассоциаций. Им приписываются ассоциативные значения. Так, всматриваясь в узор обоев или слушая непрограммную музыку, мы приписываем элементам этих текстов определённые значения. Чем более подчёркнута синтагматическая организация, тем ассоциативнее и свободнее становятся семантические связи» [12, с. 171]. Таким образом, Лотман как раз включает в автокоммуникацию не просто вызов, но и свободу, свободу назвать облако хорьком, хотя облака – это всего лишь узоры. Эта автокоммуникативная свобода проявляется и на уровне индивидуальном, и на уровне всеобщем. Например, Роберт Сапольский решил написать свою книгу, может быть, под влиянием всех обстоятельств; но книга Сапольского в мироздании (в смысле «всего», всё, по-гречески в плероматическом смысле) – один из элементов свободного самоопределения мироздания. Таким образом, свобода воли действует на уровне индивидуальном (в момент решения, как решение блудного сына вернуться) и уровне всеобщем (в момент собирания всего

своего имущества, как решение отца вручить власть над домом сыну, перстень, т. е. официальную печать). В остальных случаях она может не действовать, но при этом её действие есть автокоммуникативное действие, противостоящее конформистским предрассудкам.

Заключение

Остановка эксперимента с бесконечными обезьянами и превращение его в эксперимент по закреплению признаков присутствует и в массовой культуре наших дней. Достаточно указать на обе вышедшие части фильма «Дюна» Д. Вильнёва, где представлена смена разных религий через образ песка, состояние которого всегда контингентно. Пророческая религия Джесики, основанная на мимесисе, отличается от мессианской религии Поля, в которой важен архив, – Пол, выпив яд червя, уже не просто знает будущее, но умеет соотносить прошлое, настоящее и будущее, т. е. создавать особую мессианскую ситуацию, мессианское время, исполнение времён. Но в конце концов обе религии должны смениться харизматической, исключающей борьбу за специи в песке. Тем самым, хотя и происходит закрепление признаков, т. е. закрепление в сознании Поля программы его действий, как ему действовать всё более безошибочно, – он уже не «обезьяна», а «хорёк» Докинза – религиозность в этом мире «Дюны» сохраняется. Ведь в фильме говорится не только о ситуации конформизма и общего действия, но и о собственной предельной психологической ситуации Поля, который должен быть мессией, и о состоянии Вселенной, способной порождать новые векторы и новые возможности борьбы за власть, накладывающиеся на технические возможности цивилизаций этой Вселенной, но не сводящиеся к этим техническим возможностям. Т. е. опять есть и индивидуальная, и холистическая контингентность, тогда как яд песчаного червя можно понять как образ перехода от коммуникации к автокоммуникации.

Бесспорно, развитие теории автокоммуникации приведёт к новому пониманию тех проблем, которые поставили Докинз и Сапольский. Автокоммуникация может быть понята как первичная ситуация человека, который познаёт сначала саму возможность производить новые действия, по Лотману, превращает узоры, намёки, некоторые внутренние заметки или воспоминания для себя, в обращение к себе, никак не следующее из предыдущего состояния системы. Тогда «бесконечная обезьяна» просто создаёт осмысленный текст – он может быть абсурдистским, но он прочитывается как осмысленный, комбинация клавиш порождает осмысленность намёков, например, можно прочесть, как замечает Лотман, сначала кажущуюся бесмысленной комбинацию букв как абревиатуру целой важнейшей фразы, например ЯТЛ – для влюблённого без объяснений понятно, что это «Я тебя люблю». В автокоммуникации бесконечная обезьяна весьма скоро обретёт смысл своей жизни и деятельности.

Тогда как контингентность всего – это тогда вариант «хорька Докинза», т. е. неожиданной провокации, когда всё, что мы знаем, может оказаться ещё лучше, исправить ошибки в следующем своём «выпуске». Это имеет множество параллелей с богословским учением о действии по благодати: сами по себе добрые дела могут быть совершены без содействия благодати, но именно благодать, как нечто контингентное, совершенно внезапное, позволяет этим действиям закрепиться в вечности и стать жизнью вечной. Благодаря такому «хорьку Докинза» можно лучше понять и ключевые богословские термины «спасения», «вечной жизни» и др., освободив их от некоторых обыденных или буржуазных импликаций, например, сводящих вечную жизнь к потреблению вечной жизни. Таким образом, атеистическая философия Докинза и Сапольского вполне может получить продолжение в современной религиозной философии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ванеян С. С. Панофский, Гомбрих и смысл значения в искусстве и иконологии // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 5: Вопросы истории и теории христианского искусства. 2013. № 1 (10). С. 21–43.
2. Гусельцева М. С. Психология и история: от макроанализа к микроанализу [Электронный ресурс] // Психологические исследования. 2010. № 3. URL: <https://psystudy.ru/num/article/view/927?articlesBuySameAuthorPage=1> (дата обращения: 10.09.2025). DOI: 10.54359/ps.v3i10.927.
3. Котелевская В. Бульварный ангел истории: к «Труду о пассажах» Вальтера Беньямина // Versus. 2022. Т. 2. № 3. С. 154–171.
4. Монин М. А. Между следом и предзнаменованием. Парадигма улик – как знание и как практика // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 154–166. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-4-154-166.
5. Адамов М. С. Проблема эпистемической ответственности и её психофизиологические основания // Философия. Журнал высшей школы экономики. 2024. Т. 8. № 2. С. 205–228. DOI: 10.17323/2587-8719-2024-2-205-228.
6. Хитрук Е. Б. Осмысление человека в контексте меметической теории религии: от «образа и подобия» к «транспортному средству» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2022. № 101. С. 118–135. DOI: 10.15382/sturI2022101.118-135.
7. Кралечкин Д. Предназначение и контингентность: после меритократии // Логос. 2023. Т. 33. № 6 (157). С. 85–110.
8. Сапольский Р. Всё решено. Жизнь без свободы воли / пер. с англ. Г. Бородиной. М.: Альпина нон-фикшн, 2025. 534 с.
9. Докинз Р. Слепой часовщик / пер. с англ. В. Гопко. М.: АСТ, 2024. 496 с.
10. Гёте И. В. Неожиданный Гёте / сост. Г. М. Вайсман. М., СПб.: Летний сад, 2012. 157 с.
11. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и Тартуско-московская семиотическая школа. М.: Языки русской культуры, 1994. С. 17–245.

12. Лотман Ю. М. Автомедиация: «Я» и «Другой» как адресаты (О двух моделях коммуникации в системе культуры) // Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2000. С. 159–177.

REFERENCES

1. Vaneyan, S. S. (2013). Panofsky, Gombrich and the Meaning of Meaning in Art and Iconology. In: *St. Tikhon's University Review. Problems of History and Theory of Christian Art*, 1 (10), 21–43 (in Russ.).
2. Guseltseva, M. S. (2010). Psychology and History: From Macroanalysis to Microanalysis. In: *Psychological Research*, 3. URL: <https://psystudy.ru/num/article/view/927?articlesBySameAuthorPage=1> (accessed: 10.09.2025) DOI: 10.54359/ps.v3i10.927.
3. Kotelevskaya, V. (2022). The Boulevard Angel of History: Toward Walter Benjamin's Work on Arcades. In: *Versus*, 2 (3), 154–171 (in Russ.).
4. Monin, M. A. (2020). Between Trace and Omen. The Paradigm of Evidence: As Knowledge and as Practice. In: *Questions of Philosophy*, 4, 154–166. DOI: 10.21146/0042-8744-2020-4-154-166.
5. Adamov, M. S. (2024). The Problem of Epistemic Responsibility and Its Psychophysiological Foundations. In: *Philosophy. Journal of the Higher School of Economics*, 8 (2), 205–228. DOI: 10.17323/2587-8719-2024-2-205-228 (in Russ.).
6. Khitruk, E. B. (2022). Understanding Man in the Context of the Memetic Theory of Religion: From “Image and Likeness” to “Vehicle.” In: *St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies*, 101, 118–135. DOI: 10.15382/sturI2022101.118-135 (in Russ.).
7. Kralechkin, D. (2023). Purpose and Contingency: After Meritocracy. In: *Logos*, 6 (157), 85–110 (in Russ.).
8. Sapolsky, R. *Determined. The Science of Life Without Free Will*. Moscow: Alpina Non-Fiction publ. (in Russ.).
9. Dawkins, R. *The Blind Watchmaker*. Moscow: AST publ. (in Russ.).
10. Goethe, J. W. (2012). *The Unexpected Goethe*. Moscow, St. Petersburg: Letniy Sad publ. (in Russ.).
11. Lotman, Yu. M. (1994). Lectures on Structural Poetics. In: *M. Yu. Lotman and the Tartu-Moscow Semiotic School*. Moscow: Yazyki russkoi kultury publ., pp. 17–245 (in Russ.).
12. Lotman, Yu. M. (2000). Autocommunication: “I” and “Other” as Addressees (On Two Models of Communication in the Cultural System). In: Lotman, Yu. M. *Semiosphere*. St. Petersburg: Art-SPB publ., 159–177 (in Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Марков Александр Викторович (г. Москва) – доктор филологических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры кино и современного искусства Российской государственной гуманитарного университета;

e-mail: shtaynshtayn@gmail.com; ORCID: 0009-0004-1701-3147

Штайн Оксана Александровна (г. Екатеринбург) – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной философии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина;

e-mail: shtaynshtayn@gmail.com; ORCID: 0009-0004-1701-3147

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexander V. Markov (Moscow) – Dr. Sci. (Philology), Cand. Sci. (Philosophy), Prof., Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities;

e-mail: markovius@gmail.com; ORCID: 0000-0001-6874-1073

Oksana A. Shtayn (Ekaterinburg) – Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Department of Social Philosophy, Ural Federal University;

e-mail: shtaynshtayn@gmail.com; ORCID: 0009-0004-1701-3147